

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Хвещеманъ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . .	6 р. — в.
безъ дост. . . .	5 » — »
На полгода	3 » 50 »
На три мѣсяца	2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Сердце поэта. А. Сахаровой.—
II. Пѣсня о рубашкѣ. (Стих.). Томаса Гуда.—III. Вит-
тингтонъ и его котъ. Е. Д—ной.—IV. Крысы и мыши.
Софьи В.

СЕРДЦЕ ПОЭТА.

Фантастическій рассказъ.

НЕ ТОРОПИСЬ и успокойся, ободрительно произнестъ старикъ, взявъ въ руку массивное отлитое изъ золота сердце, ярко блестѣвшее при свѣтѣ фонаря.— Видишь ли, сказалъ онъ, улыбаясь, это сердце отлито изъ металла и твердо и прочно какъ металлъ. Оно не забьется ни при видѣ чужой радости, ни при чужомъ горѣ, оно радостно содрогнется только при столкновеніи съ тѣмъ метал-

ломъ, изъ котораго отлито. Человѣкъ, носящій въ груди золотое сердце, будетъ богатъ и долговѣченъ, но ему будутъ чужды какъ радости, такъ и страданія окружающихъ его людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сказала швея и отстранила дрожащей рукой отлитое изъ золота сердце.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! повторила она, когда еврей, освѣщая яркимъ свѣтомъ своего фонаря, вынималъ и держалъ передъ ней сердца серебряныя и мѣдныя. Нѣтъ! содрогнувшись отъ ужаса, сказала она, когда передъ нею замигало, заблѣло холодное, твердое каменное сердце, съ такимъ сердцемъ страшно жить... съ такимъ сердцемъ жить нельзя.

— Ты слишкомъ разборчива, улыбнулся старикъ загадочной улыбкой, многіе и очень многіе всю жизнь живутъ съ такими сердцами; впрочемъ ты можешь выбирать.

Взгляни, вотъ маленькія, почти игрушечныя сердца—это сердца большинства людей, въ нихъ умѣщаются только крошечные интересы! Они бьются мелкими радостями и сжимаются отъ такихъ же огорченій.

— Нѣтъ! произнесла рѣшительно молодая женщина. Я бѣдна и мало образована, но не хочу, чтобы мой сынъ былъ чуждъ всѣмъ человѣческимъ чувствамъ и вдругъ взоръ швеи устремился съ страннымъ вниманіемъ на большое, прозрачное сердце изъ чистаго горнаго хрусталя, сверкавшее и дивно переливающее, при свѣтѣ фонаря, всѣми цвѣтами и оттѣнками лучей свѣта.

Въ этомъ сердцѣ отражалось все—и высокіе своды подвала, и блѣдное лицо старика, и задумчивый взоръ молодой женщины и яркій отблескъ фонаря, но все было ярче, свѣтлѣе, изящнѣе нежели въ дѣйствительности, все окрашивалось мягкимъ волшебнымъ свѣтомъ, изливавшимся изъ самого сердца.

Это прозрачное сердце содрогалось отъ каждаго звука и каждый звукъ отзывался въ немъ сильнѣе, выразительнѣе, мелодичнѣе нежели въ дѣйствительности.

Глаза матери блеснули страннымъ свѣтомъ, въ нихъ дрожало и переливалось какъ бы тотъ же самый свѣтъ, который лился изъ хрустальнаго сердца и она, какъ бы въ забытьи, протянула къ нему руку.

Старый Шимшель удержалъ ее повелительнымъ жестомъ.

— Остановись, подумай! сказалъ онъ сурово. Вспомни, дѣло идетъ объ участи твоего сына.

— Сердце, которое ты избираешь—сердце поэта. Въ немъ отражается весь міръ Божій, оно сжимается мучительно отъ горя человѣка, и отъ горя народа, и радостно бьется ихъ радостью. Знай, что это сердце хрупкое, что оно разбивается, когда горе переполнитъ его, и помни, что въ лавровомъ вѣнкѣ поэта всегда вплетены терновые листья вѣнца мученика—и не жалуйся на меня.

Молодая женщина, молча, остановилась передъ прозрачнымъ свѣтящимся сердцемъ и ей казалось, что оно мягко, мелодически шепчетъ: бери меня, не бойся! Лучше жить недолго да полной жизнью, отзываться на каждый призывъ окружающаго міра и разбиться преждевременно — нежели не биться совсѣмъ...

Жизнь прозрачнаго сердца какъ бы переливалась въ сердце молодой женщины, черезъ ея каріе глаза, и она, простирая къ нему руку, рѣшительно произнесла—„его беру для моего сына“.

Молча улыбнулся старикъ еврей своей загадочной улыбкой, бережно вынулъ изъ сундука хрустальное сердце, спряталъ его подъ полу своего халата, взялъ фонарь и снова пошелъ впередъ, указывая дорогу матери.

Когда они вернулись, мальчикъ еще спалъ глубокимъ сномъ, какъ и предсказалъ Шимшель.

Старикъ осторожно приподнялъ кисею и бережно положилъ въ колыбель прозрачное сердце. Ребенокъ улыбнулся во снѣ ясной улыбкой, протянулъ ручки къ свѣтящемуся сердцу, прижалъ его къ груди и продолжалъ спать, а старикъ опустилъ надъ нимъ кисею.

— Теперь у твоего сына прозрачное, хрупкое, свѣтлое сердце поэта, произнесъ онъ серьезно и медленно, обращаясь къ матери. Ты сама его выбрала, не пеняй на меня.

Дверь комнаты беззвучно отворилась и закрылась, какъ прежде, и Шимшель исчезъ.

* * *

Ребенокъ спитъ, а наша швея шьетъ себѣ, да шьетъ. На дворѣ яснѣло — занимался разсвѣтъ, работа была почти окончена.

Смотрить она—нѣтъ ни Шимшеля, нѣтъ и хрустального сердца. Усталая мать приподнимаетъ кисею надъ колыбелью, чтобы взглянуть на ребенка; дитя спитъ, а матери чудится, что въ личикѣ, въ улыбка ребенка отливается жизнь избраннаго ею хрустального сердца.

Подростаетъ нашъ мальчикъ и матери нерѣдко припоминается дивное видѣнне стараго Шимшеля и хрустальное сердце. Непохожъ ея блѣдный малютка на другихъ дѣтей. Первый лучъ солнца, весенняя травка, пѣніе птички,—все заставляють сочувственно трепетать и биться его маленькое хрустальное сердечко; каждый болѣзненный стонъ, каждая слеза заставляютъ его болѣзненно сжиматься и матери по временамъ какъ бы слышатся слова Шимшеля: „смотри выбирай осмотрительно“, и ей становится страшно за участь своего сына, за его сердце.

Учится нашъ мальчикъ хорошо, прилежно учится; онъ помогаетъ товарищамъ своими знаніями, а сердце уже подсказываетъ ему пѣсни о несчастныхъ заброшенныхъ людяхъ; товарищи и учителя называютъ его поэтомъ и пророчать ему громкую славу, блестящее будущее.

Радостно бьется усталое сердце матери отъ этихъ похвалъ и предсказаній, а блѣдный мальчикъ и не думаетъ о славѣ, ему хочется только, чтобы въ пѣсняхъ его была живая природа, чтобы онѣ проникали въ сердца людей и народовъ.

Но вотъ это уже не мальчикъ, это нѣжный, симпатичный юноша; меньше работаетъ наша швея, зато много рабо-

таетъ ея сынъ: онъ учитъ, онъ пишетъ и, отдавая матери заработанные деньги, нерѣдко шепчетъ ей ласково: пора тебѣ отдохнуть, мама милая. Довольно ты поработала на своемъ вѣку.

Радостью сіяютъ глаза матери, эти уже потухающіе глаза, когда ея сынъ читаетъ ей свои вдохновенныя пѣсни, въ нихъ, какъ нѣкогда въ хрустальномъ сердцѣ, отражается весь міръ Бога живаго.

Она гордится своимъ юношей, радуется при мысли о сдѣланномъ ею выборѣ. Но бываютъ другія минуты и ихъ больше, гораздо больше, когда при взглядѣ на утомленнаго юношу, на его горящія лихорадочнымъ румянцемъ щеки, сверкающіе глаза, сердце ея тоскливо сжимается и въ тиши слышенъ зловѣщій шопотъ Шимшеля: сердце поэта — хрупкое сердце, оно разобьется, когда горе переполнитъ его.

А сынъ ея? Сынъ все пишетъ свои пѣсни. Иногда въ нихъ слышатся свѣтлые радужные образы и грезы будущаго; но чаще — горькія слезы и стоны страдающаго сердца.

Все больше и больше худѣетъ юноша, все чаще и чаще вспыхиваютъ лихорадочнымъ румянцемъ его щеки, сверкаютъ его глаза. Онъ пишетъ, онъ выливаетъ на бумагѣ всю душу свою и все лучше и лучше становятся его пѣсни, въ нихъ небо, въ нихъ зеленѣетъ и шумитъ лѣсъ, алѣютъ и благоухаютъ цвѣты, льются воды, радуются и плачутъ люди, стремятся къ идеалу жизни народы и далекъ этотъ идеалъ. Надламываютъ страданія народы, надламывается и сердце поэта.

Поэтомъ народнымъ является нашъ юноша; но сила вышшаго таланта и сила чувствъ разбили его здоровье — онъ слабѣетъ, онъ не встаетъ съ постели, не пишетъ, онъ диктуетъ товарищамъ свои чудныя пѣсни.

Какъ растерянная бродитъ бѣдная мать и ей неотвязно слышится шопотъ Шимшеля: сердце поэта — хрупкое сердце! она упрекаетъ себя за свой выборъ.

На дворѣ холодная октябрьская ночь, наша швея состарилась, согнулась и съ большими очками на потухшихъ глазахъ по-прежнему шьетъ, а ея сынъ, уже не мальчикъ, блѣдный и исхудалый лежитъ онъ тутъ же въ комнатѣ и не то спитъ, не то дремлетъ отъ усталости и слабости.

Они измѣнились, а обстановка ихъ та же; часы, двѣ капли похожіе на прежніе, выкрикнули полночь также хрипло и удушливо. Дверь комнаты отворилась также безшумно, въ комнату вошелъ тотъ же Шимшель, который входилъ двадцать два года тому назадъ.

На старикѣ тотъ же халатъ, та же шапка; время казалось не оставило слѣдовъ на его блѣдномъ лицѣ.

Зловѣщимъ блескомъ сверкнули глаза матери. Она хотѣла осыпать старика проклятіями, но Шимшель остановилъ ее повелительнымъ жестомъ.

— Ты разбудишь его! Спи, милый мой! произнесъ старикъ, наклоняясь надъ спящимъ юношей.

При ласковомъ шопотѣ старика темныя рѣсницы молодого человѣка опустились на блѣдныя щеки и на устахъ мелькнула свѣтлая улыбка, въ ней отразились всѣ свѣтлыя переливы хрустального сердца.

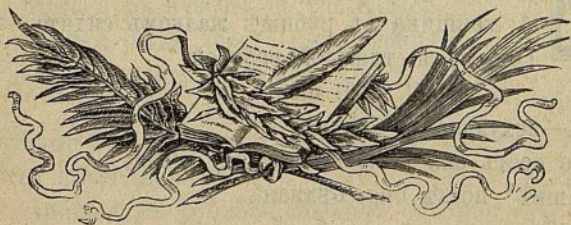
Шимшель еще разъ съ любовью склонился надъ спящимъ юношей и на мгновенье остановилъ на немъ пристальный взглядъ, потомъ подошелъ къ матери и спокойно сказалъ ей:

— Я говорилъ тебѣ, что сердце поэта разбивается, когда жизнь съ своими радостями и страданіями переполняетъ его; не умерло это хрустальное сердце, оно дрожитъ и бьется въ оставленныхъ имъ пѣсняхъ и это бѣненіе и трепетъ слышать и чувствуютъ всѣ, читающіе эти пѣсни. Умеръ только твой сынъ. Шимшель исчезъ прежде нежели испуганная мать успѣла излить на него свое негодованіе и горе.

Горитъ керосиновая лампа, слышится мѣрное тикъ-такъ

маятника; но наша швея не шьетъ, она осыпаетъ горячими поцѣлуями и слезами холодныя какъ мраморъ руки своего сына, она призываетъ дитя свое къ жизни самыми нѣжными, самыми ласковыми названіями; но хрустальное сердце уже не откликнется на призывы любимой матери—оно разбилось.

А. Сахарова.

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

Томаса Гуда. *)

СТАЛЫЕ пальцы болятъ, затекли,
Смежаются вѣки дремотой—
А женщина въ рубищѣ жалкомъ сидитъ,—
Сидитъ за тяжелой работой.
Шей! шей! шей!

Голодна,—исхудалая,—блѣдная—

Все поетъ она жалобно пѣсенку швей:

„О рубашкѣ“ поетъ она, блѣдная!...

* * *

„Работай! работай! работай!

Едва пѣтуха я услышу—

Все работай—работай—работай,

Хоть звѣзды проглянуть сквозь крышу...

„Работай—работай—работай,

Пока тебя сонъ одолѣетъ,

Работай—работай—работай,

Покуда въ глазахъ потемнѣетъ...

Притачать, подрубить, прострочить, запошить:

Долго—долго сидишь за рубашкою;

Истомишься, заснешь—и во снѣ-то все шьешь,

Все сидишь за работою тяжкою...

* * *

*) Томасъ Гудъ (1799—1845)—замѣчательный англійскій юмористъ и поэтъ. Знаменитая „Пѣсня о рубашкѣ“ явилась на страницахъ юмористическаго журнала „Пончъ“ въ 1844 г. и составила громкую славу Гуда. Всѣ газеты перепечатали „Пѣсню“; ее переводили на всѣ языки; она явилась впечатанною даже на бумажныхъ носовыхъ платкахъ... Бѣдныя женщины прибрали къ „Пѣснѣ“ заунывный мотивъ и распѣвали ее въ глухихъ улицахъ Лондона.

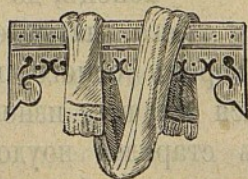
Работай—работай—работай
 Туманной, холодной зимою;
 Работай—работай—работай
 Въ день свѣтлый и теплый весною,
 Когда ласточки стануть гнѣздо себѣ вить
 И весны возвращеніе праздновать,
 Станутъ пѣть, щебетать,—свои спинки казать
 И весною насъ бѣдныхъ поддразнивать...

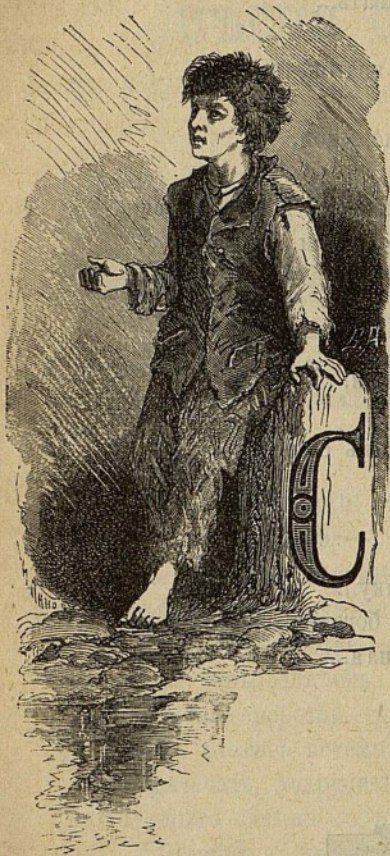
* * *

Немного бы воздухомъ мнѣ подышать:
 Такъ сладостно пахнеть цвѣтами!
 Пусть было бы небо одно надо мной,
 Одна мурава подъ ногами!..
 Хоть бы часъ довелось мнѣ пожить, какъ жилось
 Прежде, чѣмъ я съ нуждой не спозналася,
 И не зная, какъ дорого стоитъ обѣдъ—
 Цѣлый день прогулять не боялася...

* * *

Усталые пальцы болятъ, затекли,
 Смежаются вѣки дремотой—
 А женщина въ рубищѣ жалкомъ сидитъ,—
 Сидитъ за тяжелой работой..
 Шей! шей! шей!
 Голодна,—исхудалая,—блѣдная—
 Все поетъ она жалобно пѣсенку..
 Пусть дойдетъ эта пѣсня до васъ, богачей!—
 „О рубашкѣ“ поетъ она, бѣдная...

ВИТТИНГТОНЪ И ЕГО КОТЪ.

I.

РЕДИ многолюдной толпы шумныхъ улицъ Лондона, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ 1370 года, бродилъ двѣнадцатилѣтній высокій, плотный мальчикъ, съ умнымъ, красивымъ лицомъ, въ крайне бѣдномъ деревенскомъ платьѣ. Долго онъ бродилъ по шумному городу и дошелъ, наконецъ, до самой богатой части его, называемой Сити. Увидавъ каменную скамью у воротъ одного красиваго дома, онъ остановился и опустился на нее, изнемогая отъ усталости. Въ то время, какъ онъ старался поудобнѣе расположиться, чтобы уснуть, изъ дома раздался бранчивый голосъ женщины.

— Что ты тамъ дѣлаешь? негодяй, кричала она. Убирайся прочь! Не воображаешь ли ты, что мы сдѣлали эту скамейку для твоего отдохновенія?

— А неужели вы думаете, сударыня, отвѣчалъ мальчикъ мягкимъ, немного настойчивымъ голосомъ, что еслибы у меня было другое пристанище, то я выбралъ бы непременно это?

— Ахъ! постой, я тебя проучу, будешь ты у меня вѣжливые. Тебя крестили въ холодной водѣ, а я вотъ окрещу тебя кипяткомъ.

Къ счастью мальчика, открывшееся въ кухнѣ окно обратило вниманіе хозяина дома, мистера Фитцъ-Варрена, богатаго негоціанта Сити, который въ это время ужиналъ вдвоемъ съ своей маленькою дочкой, Алисою, пятилѣтнею дѣвочкою, рожденіе которой стоило жизни ея матери. Онъ вошелъ въ кухню въ то время, какъ старая Сусанна, его кухарка, съ котелкомъ въ рукахъ намѣревалась окатить горячею водою мальчика.

— Что тамъ такое, Сусанна? сказалъ негоціантъ, высываясь изъ окна, чтобы взглянуть на улицу, за что вы браните этого ребенка? Вы знаете, я терпѣть не могу, чтобы притѣсняли несчастныхъ!

— Покорно васъ благодарю, добрый господинъ, сказалъ мальчикъ, хотя я привыкъ и къ дождю и къ росѣ, но кипятка на себѣ еще не пробовалъ.

— Что же ты дѣлаешь такъ поздно, малютка, на этой лавкѣ? спросилъ Фитцъ-Варренъ, котораго очень заинтересовало умное, открытое лицо ребенка. Отчего ты не возвращаешься къ родителямъ, они вѣрно ждутъ тебя и беспокоятся?

— Ахъ, мой добрый господинъ, я—сирота и никого не знаю въ Лондонѣ.

— Такъ должно быть ты еще и не обѣдалъ бѣдняжка? иди сюда. Сусанна! у васъ навѣрно найдется что-нибудь дать ему поѣсть и мѣстечко въ кухнѣ, гдѣ онъ могъ бы заснуть.

— Можете быть увѣрены, сударь, что остатки отъ стола не пропадаютъ, отвѣчала сердито старая кухарка, вы—хозяинъ, имѣете право приказывать, но я не могу не замѣтить вамъ, что опасно зазывать въ домъ незнакомыхъ людей. Лицо этого мальчика мнѣ очень не нравится, а предчувствія

меня никогда не обманывали. Богъ знаетъ, можетъ быть это начальникъ шайки воровъ?

— Начальникъ шайки воровъ, сказалъ, улыбаясь, Фитцъ-Варренъ, указывая на дѣтски открытое лицо мальчика, который, слыша слова кухарки, засмѣялся такимъ веселымъ смѣхомъ, что кухарка могла бы вполне успокоиться.

— Ну, будетъ болтать пустое, Сусанна, прошу васъ, приютите ребенка.

Нашъ юный герой поужиналъ съ аппетитомъ, свойственнымъ его возрасту, да при томъ еще, которому не пришлось поѣсть цѣлый день. Потомъ растянулся съ наслажденіемъ на свѣжей соломѣ, которую ему послала на чердакъ Сусанна, и крѣпко заснулъ, благодаря Бога, направившаго его въ такой гостепріимный домъ.

II.

На слѣдующее утро Фитцъ-Варренъ, увидя на дворѣ своего маленькаго гостя, позвалъ его къ себѣ.

— Ну, милый мальчикъ, какъ тебя звать, и кто твои родители? спросилъ онъ.

— Меня зовутъ, сударь, Дикъ Виттингтонъ. Я не зналъ своего отца, онъ умеръ во Франціи отъ ранъ въ то время, когда я былъ еще совсѣмъ маленькій. Съ того времени моя бѣдная мать постоянно болѣла и четыре года тому назадъ умерла. Я никогда не забуду, какъ она, умирая, поставила меня на колѣни около своей постели, долго молилась, обнявъ мою голову руками и потомъ сказала: „я покидаю тебя мой бѣдный Дикъ, не упускай никогда случая обучиться чему нибудь полезному, не забывай утромъ и вечеромъ молиться Богу и будь всегда такъ честенъ, какъ честенъ былъ твой бѣдный отецъ“. Я такъ отчаянно плакалъ, что сосѣдка наша увела меня отъ матери, и я больше не видѣлъ ее. Каждый день я думаю о ней и стараюсь жить такъ же честно, какъ честно жилъ и мой отецъ.

— Какъ же ты жилъ потомъ, мой бѣдный Дикъ? сказалъ негоціантъ, тронутый наивнымъ разсказомъ ребенка.

— Потомъ, сударь, продолжалъ Дикъ, я остался въ той самой деревнѣ, гдѣ мы и жили, сосѣди заботились обо мнѣ, я помогаль имъ пасти гусей и овецъ, больше они ничему не могли научить, а мнѣ хотѣлось читать, какъ читала мать моя. Въ базарные дни я слыхалъ, какъ крестьяне разсказывали про Лондонъ; они говорили, что тамъ дома большіе, улицы мощены золотомъ, что тамъ только живутъ господа все богатые въ домахъ, больше нашей церкви. Вотъ я и вообразилъ, что и мнѣ можно будетъ помѣститься въ одномъ изъ угловъ этихъ красивыхъ жилищъ, много-ли надобно мнѣ мѣста. Вотъ я и отправился сюда съ однимъ изъ знакомыхъ извозчиковъ; онъ иногда сажалъ меня на свою телѣгу. Въ первый же день моего пріѣзда въ Лондонъ я убѣдился, что меня обманули: я напрасно пробѣгалъ цѣлый день и ничего не видѣлъ кромѣ грязи, да мостовыхъ. Никто не обращалъ на меня никакого вниманія и до васъ никто даже не говорилъ со мною. А теперь у васъ я такъ счастливъ, что лучше и желать нечего.

— Повѣрь, милый, сказалъ Фитцъ-Варренъ, въ Лондонѣ каждый найдетъ себѣ работу, я самъ много работаю; ну, скажи мнѣ, что ты умѣешь дѣлать?

— Ахъ! ничего не умѣю, сударь, отвѣтилъ Дикъ, вздыхая при мысли, что ему придется разстаться съ этимъ домомъ, гдѣ такъ радушно пріютили его.

— Ну, Дикъ, положимъ: я возьму тебя; буду тебя одѣвать, кормить, содержать, что же ты дашь мнѣ взаменъ?

— Все мое усердіе, сударь, отвѣтилъ безъ запинки ребенокъ и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Больше этого отъ тебя и требовать нельзя, сказалъ, смѣясь, негоціантъ, и такъ дѣло рѣшено, ты будешь помогать мальчикамъ раскладывать ящики съ товаромъ и помогать въ кухнѣ Сусаннѣ, пока не научишься чемунибудь другому. Прощай, веди себя хорошо, тогда посмотрю, что дѣлать дальше.

Дикъ съ радостію устроился у Фитцъ-Варрена. Онъ былъ такъ внимателенъ и ласковъ со всѣми, что вскорѣ сдѣлался общимъ любимцемъ. Правда, Сусанна еще косо посматривала на него, но у Дика былъ покровитель въ лицѣ прикащика хозяина. Дикъ ему напоминалъ сына, котораго онъ лишился, и старикъ привязался къ мальчику, какъ къ родному. Иногда по вечерамъ старый другъ Дика, окончивши работы, читалъ интересныя книжки собравшейся прислугѣ. Дикъ съ увлеченіемъ слушалъ его, и вспоминалъ о своей матери; наконецъ онъ попросилъ своего покровителя выучить его грамотѣ, тотъ согласился, и въ короткое время Дикъ началъ бойко читать.

III.

Разъ вечеромъ Дикъ смотрѣлъ какъ миссъ Алиса у окна своей комнаты дразнила своего попугая. Вдругъ птица вырвалась изъ рукъ своей маленькой обладательницы, полетѣла въ садъ и взгромоздилась на высокій тополь. Миссъ Алиса громко заплакала, кричала и надрывалась, призывая своего любимца. Обѣжалась вся прислуга, но никто не могъ помочь горю дѣвочки. Дикъ тихонько подкрался къ тополю, гдѣ попугай, пользуясь свободою, хлопалъ крыльями и говорилъ весь своей репертуаръ словъ, прыгая съ вѣтки на вѣтку, Дикъ, съ ловкостью кошки, подвергаясь опасности, добрался до попугая, схватилъ его за хвостъ и, не обращая вниманія на удары клювомъ, которыми награждала его птица, гордо подбѣжалъ къ миссъ Алисѣ и отдалъ ей его. Дѣвочка была такъ рада возвращенію своего любимца, что вынула изъ кармана шиллингъ, который подарилъ ей отецъ въ ея именины, и отдала его Дикѣ.

У бѣднаго мальчика никогда не было столько денегъ, отъ радости онъ не спалъ до полуночи и все думалъ о томъ, что бы купить на эти деньги. Наконецъ, выборъ его оста-

новился на собачкѣ, видѣнной имъ наканунѣ на углу улицы у одного продавца собакъ. Вѣдь каждая собака стоитъ не дороже шиллинга. Что за счастье обладать собакою; что за прогулки они дѣлали бы вмѣстѣ, она была бы ему другомъ; бѣдный мальчикъ часто чувствовалъ себя одинокимъ въ этомъ большомъ домѣ, хотя Фитцъ-Варренъ всегда улыбается при видѣ его, миссъ Алиса такъ привѣтливо говоритъ съ нимъ при встрѣчѣ, прислуга обращается ласково, но Дикъ чувствуетъ что ими руководитъ сожалѣніе; а собака любила бы его ради его самого. Рано утромъ побѣждалъ онъ совершить свою покупку. Вдругъ по пути Дикъ встрѣтилъ старушку, заливавшуюся горькими слезами.

— Что съ вами, тетушка? спросилъ съ участіемъ мальчикъ.

— Ахъ! Господи Боже мой! большое горе: у меня умерла дочь, осталось четверо сиротъ, умираютъ съ голода.

Тронутый печалью старушки, Дикъ посмотрѣлъ на свой шиллингъ, который крѣпко сжималъ въ рукѣ, бросилъ завистливый взглядъ на приближавшагося съ корзинкою продавца собакъ, снова посмотрѣлъ на старушку и, увлеченный порывомъ своего добраго сердца, подалъ ей свой красивый шиллингъ.

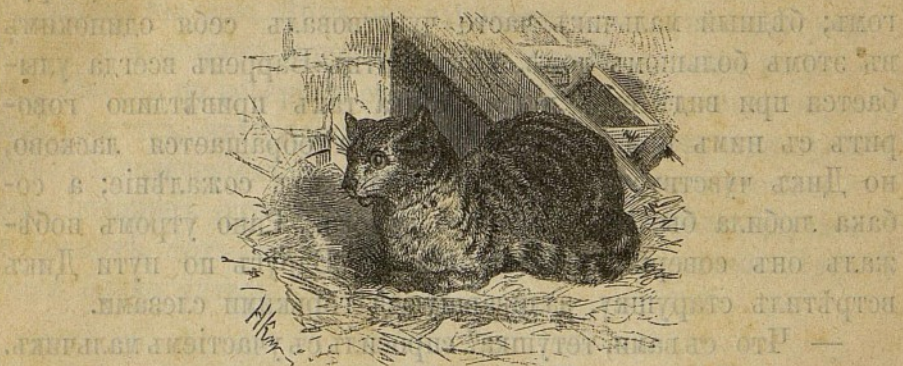
— Возьмите, тетушка, сказалъ онъ съ чувствомъ, возьмите его вашимъ дѣтямъ, я хотѣлъ было купить собачку, но могу обойтись и безъ нея, а ваши дѣти не могутъ обойтись безъ хлѣба. Я знаю, что такое голодать.

— Ахъ! спасибо, мое милое дитя, да наградить тебя Богъ. Къ несчастію я не могу предложить тебѣ собаку, но не хочешь ли взять кота?

— Кота? сказалъ, улыбаясь, Дикъ; а что же—охотно; въ моей комнатѣ столько мышей, что онъ пригодится.

Старуха побѣжала къ себѣ, принесла красиваго трехшерстнаго кота, и принялась увѣрять, что разнообразіе цвѣтовъ шерсти признакъ его достоинства. Дикъ поблагодарилъ ее и взялъ кота. Котъ былъ Дику очень полезенъ. Каждую ночь въ его комнату являлось такое множество мышей

и крысъ справлять свой шабашъ, что мѣшали ему спать. Котъ открылъ такую жестокою войну своимъ безпокойнымъ сосѣдямъ, что вскорѣ онѣ всѣ были истреблены.

IV.

Спустя нѣсколько времени, Фитцъ-Варренъ позвалъ въ свой кабинетъ всѣхъ служащихъ у него и объявилъ имъ, что одинъ изъ его кораблей отправляется въ далекое путешествіе и что, придерживаясь стариннаго обычая, онъ желаетъ, чтобы тѣ, которые у него служатъ, попытались бы счастья, какъ и онъ самъ это дѣлалъ, что капитанъ приметъ всевозможный товаръ, какой бы ни пожелали поручить ему. На слѣдующій день каждый несъ что-нибудь на продажу: одни—булавки, другіе — иголки, ножички, зеркальца. Одинъ Дикъ ничего не несъ и прятался за дверь.

— Чтоже ты, мальчикъ, крикнулъ его покровитель, боишься войти? неси и ты свой сверточекъ.

— Ахъ, мистеръ Фитцъ-Варренъ, отвѣчалъ бѣдный ребенокъ, краснѣя, у меня нѣтъ ничего кромѣ кота.

— Ну! такъ неси кота; капитанъ возьметъ и кота и будетъ беречь его, сказала хозяйнѣ; но замѣтивъ, что служащіе смѣются надъ грустью Дика о разлукѣ съ другомъ — котомъ, добродушно добавилъ, а кто знаетъ, мо-

можетъ Богъ благословить товаръ сироты, можетъ это будетъ лучшій изъ товаровъ.

Ночь передъ отъѣздомъ своего товарища Дикъ не спалъ; онъ съ сожалѣніемъ думалъ о бѣдномъ животномъ, которымъ пожертвовалъ въ минуту тщеславія; и чтобы не явиться съ пустыми руками и рѣшился разстаться съ другомъ. Нѣтъ, я или поѣду съ нимъ вмѣстѣ, или возьму его обратно, рѣшилъ Дикъ и, вскочивъ рано утромъ съ постели, побѣжалъ къ Темзѣ. Но подойдя къ пристани, увидалъ, что корабля уже тамъ не было: ночью поднялся попутный вѣтеръ и судно ушло. Бѣдный Дикъ былъ такъ этимъ убитъ, что опустился на камень и горько заплакалъ.

V.

Быль Троицынъ день; колокола торжественно звонили, призывая богомольцевъ къ обѣднѣ. Дикъ сидѣлъ и прислушивался къ веселымъ переливамъ колоколовъ. Торжественный звонъ, и свѣжесть утра вскорѣ успокоили его, утомленный бессонною ночью, онъ безмятежно и незамѣтно для самого себя тихо заснулъ, прислонившись къ стѣнѣ. Вдругъ ему послышалось, что кто-то зоветъ его. Онъ сталъ прислушиваться и вскорѣ ясно различилъ свое имя въ колольномъ звонѣ:

Бимъ-бомъ-бомъ
Мужайся Виттингтонъ!
Бимъ-бомъ-бомъ
Будешь лордъ-мэромъ,

звонили колокола.

Дикъ быстро вскочилъ съ камня и протеръ глаза. Во снѣ ли, на яву ли онъ это слышалъ,—онъ не могъ разобрать.—Нѣтъ, я ясно слышалъ эти слова, говорилъ онъ самъ себѣ. Но неужели я въ самомъ дѣлѣ буду лордъ-мэромъ.

Спасибо, спасибо, добрые колокола; конечно, я не стану отчаяваться! Что за счастье быть мэромъ Лондона;—ѣздить

въ каретѣ, запряженной четверикомъ, — всѣ будутъ кланяться и уважать, какъ уважають нашего хозяина. Добрые колокола, какъ я буду работать!

Прыгая отъ радости, Дикъ побѣждалъ по дорогѣ къ дому. Было еще рано и улицы были пусты. Мальчикъ, не оглядываясь, бѣжалъ впередъ, повторяя шепотомъ: „Мэромъ Лондона! какое счастье!“ Проходя по пустынному переулку, онъ вдругъ увидалъ на землѣ что-то блестящее: блестяль замокъ на старомъ бумажникѣ. Дикъ поднялъ его и открылъ, чтобы поискать въ немъ адресъ хозяина. Въ бумажникѣ лежали ассигнаціи на значительную сумму и карточка съ адресомъ, написанномъ карандашемъ. Честному мальчику и въ голову не пришло присвоить деньги, которыя показались ему огромнымъ богатствомъ; онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ къ дому, означенному на адресѣ. Запыхавшись, добѣжалъ къ небольшому домику и постучался въ дверь. Каково же было его удивленіе, когда дверь ему открылъ старшій прикащикъ Фитцъ-Варрена.

— Ахъ, Боже мой! вѣдь это мой бумажникъ, воскликнулъ прикащикъ;—я только сейчасъ замѣтилъ, что его потерялъ; должно быть онъ выпалъ изъ кармана вчера вечеромъ, когда я возвращался изъ конторы; какъ я счастливъ, что онъ попалъ въ твои руки. Но скажи, ты открывалъ его?

— Конечно, отвѣтилъ Дикъ, какъ же бы я могъ иначе принести его вамъ.

— И у тебя не было желанія взять себѣ эти деньги? спросилъ прикащикъ.

— Ахъ! что вы, сударь! мать моя, умирая, говорила: будь такъ же честенъ, какъ былъ честенъ твой отецъ.

— Хорошо очень, очень хорошо, милый мой! Ты честный мальчикъ, и стоитъ обратить на тебя вниманіе. Скажи мнѣ откровенно, могу ли я быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезенъ?

— Ахъ! сударь! еслибы вы меня выучили писать! Въ-

сто того, чтобы оставаться на кухнѣ съ прислугою, я бы могъ современемъ работать въ конторѣ мистера Фитц-Варрена.

— Изволь, съ большимъ удовольствіемъ, мой милый Дикъ, отвѣтилъ добрый человѣкъ, тронутый хорошимъ стремленіемъ ребенка;—ты будешь работать при мнѣ, и, Богъ дастъ, придетъ время, когда замѣстишь меня.

VI.

Съ этого дня старикъ занялся образованіемъ своего любимца. Дикъ былъ мальчикъ способный и скоро усвоивалъ то, чему его учили.

Прошло нѣсколько лѣтъ, Дикъ ужъ усердно работалъ въ конторѣ, приобрѣтая все больше и больше знаній, а корабль, который увезъ кота Виттингтона, не возвращался и никто ничего не слыхалъ о немъ.

Оказалось, что корабль сбился съ пути, благодаря противному вѣтру. Послѣ долгаго плаванія, судно пристало къ неизвѣстному острову, жители котораго были дикари чернаго цвѣта. Испуганные, при видѣ корабля и бѣлыхъ людей, дикари не осмѣливались приблизиться къ кораблю и только, успокоенные ласковыми знаками и привѣтливыми лицами экипажа, мало по малу начали шнырять кругомъ судна въ своихъ челнокахъ, сдѣланныхъ изъ коры дерева; потомъ, по приглашенію матросовъ, поднялись на палубу. Чтобы задобрить дикарей, капитанъ далъ имъ нѣсколько бездѣлушекъ и попросилъ передать отъ него подарки и ихъ королю. Его величество былъ въ восхищеніи отъ сдѣланнаго капитаномъ подарка и пригласилъ его къ себѣ въ гости во дворецъ. Капитанъ согласился и съ нѣсколькими матросами отправился на островъ.

При вступленіи въ залу дворца, онъ увидалъ весь дворъ сидящимъ на богатыхъ коврахъ, вышитыхъ золотыми

цвѣтами. Король и королева помѣщались на другомъ концѣ комнаты, увидя капитана, они встали, пошли ему на встрѣчу и пригласили его сѣсть около себя. Въ то же мгновенье невольники принялись приносить блюда съ самыми дорогими кушаньями и устанавливать ихъ на ковры. Вдругъ, во время самага обѣда, стая мышей и крысъ бросилась на кушанья и разстаскала ихъ по всей комнатѣ. Увидавъ это, капитанъ спросилъ начальника невольниковъ, старавшагося водворить порядокъ: не надоѣдаютъ ли эти противныя животныя его величеству?

— Ахъ, отвѣчалъ тотъ, король отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы избавиться отъ этихъ непрощенныхъ гостей; мыши и крысы нетолько что уносятъ его обѣдъ, какъ вы это сейчасъ видѣли, но преслѣдуютъ его до самой постели, а ночью невольники стерегутъ короля, чтобы крысы не искусили его.

Вспомнивъ кота Виттингтона, капитанъ подошелъ къ королю и сказалъ, что на кораблѣ у него есть животное, которое можетъ освободить его отъ этихъ враговъ. Обрадованный этой новостью, король сказалъ, что готовъ отдать половину своего царства за такое животное, но капитанъ отвѣчалъ, что не можетъ разстаться съ котомъ, такъ какъ котъ не его, но что сейчасъ пойдетъ, принесетъ его и удовольствуется небольшою щепоткой золота за каждую пойманную крысу или мышъ. Король съ радостью согласился и сталъ съ нетерпѣніемъ поджидать его. Капитанъ съ котомъ въ рукахъ вошелъ въ ту самую минуту, когда новая стая мышей бросалась на принесенный обѣдъ. Котъ при видѣ мышей мгновенно вырвался изъ рукъ капитана и произвелъ такой громъ, что множество мышей осталось на полѣ битвы, а остальные въ испугѣ разбѣжались.

На другой день мистеръ Пуесъ (такъ звали кота) воинственно прошелъ по всему дворцу, оттуда въ хижины палаточниковъ и богатыхъ жителей острова. Дикари вѣрно заплатили обѣщанное, и золотой порошокъ лился въ руки капитана. Капитанъ обѣщался привезти въ слѣдующій разъ 20

кошекъ, которыя совсѣмъ освободятъ островъ отъ крысъ и мышей. Въ благодарность король купилъ весь товаръ по назначенной цѣнѣ, и капитанъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, счастливо достигнулъ родины.

VII.

Корабль такъ долго пропадалъ, что Фитцъ-Варренъ потерялъ надежду на его возвращеніе. Однажды утромъ, занимаясь въ своемъ кабинетѣ, онъ увидѣлъ входящаго капитана, сопровождаемаго двумя матросами, которые несли слитки золота. Войдя въ кабинетъ негоціанта, капитанъ сталъ подробно рассказывать о своемъ путешествіи и добавилъ, что сейчасъ принесутъ бочки, полныя золотого песка, заработаннаго котомъ Виттингтона. Фитцъ-Варренъ велѣлъ созвать служащихъ, всѣ пришли, кромѣ Дика, и получили что пришлось за посланный ими товаръ. Дикъ былъ уже не маленькій, бѣдный мальчикъ сирота, воспитанный изъ состраданія. Въ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался высокимъ, красивымъ, молодымъ человекомъ; его умъ и способности къ коммерческимъ дѣламъ обратили на него вниманіе Фитцъ-Варрена, и онъ пользовался его полной довѣренностію.

— Гдѣ же Ричардъ Виттингтонъ, я его не вижу между вами, господа? сказалъ негоціантъ, обращаясь къ присутствующимъ. Пойдите, скажите ему, что я прошу его къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Ричардъ показался на порогѣ кабинета.

— Милый Ричардъ! сказалъ съ волненіемъ добрый негоціантъ, идя на встрѣчу молодому человѣку, я очень счастливъ, что могу вамъ сообщить самыя пріятныя новости: всѣ эти бочки съ золотомъ законнымъ образомъ принадлежатъ вамъ. Вотъ вы и богаче меня!

— Благородный мой покровитель, воскликнулъ молодой человѣкъ, бросаясь въ объятія къ негоціанту, это богатство принадлежитъ скорѣе вамъ, нежели мнѣ. Безъ вашего участія

бѣдный сирота давно бы умеръ съ голода; да притомъ я же купилъ этого кота на шиллингъ, который дала мнѣ миссъ Алиса.

— Вѣдь вы его заслужили, мистеръ Виттингтонъ, отвѣтила, краснѣя, молодая дѣвушка — слухъ о происшедшемъ привлекъ ее въ кабинетъ отца—вы, вмѣсто того, чтобы оставить меня кричать, чуть не ломая себѣ шеи, полѣзли на дерево.

— А я знаю, какъ все это устроить, сказалъ весело не-гоціантъ,—соглашаюсь принять то, что Дикъ передаетъ въ мои руки, я присоединяю золотой порошокъ къ моей кассѣ и мистеръ Виттингтонъ дѣлается моимъ компаньономъ.

VIII.

Ричардъ не забылъ своихъ прежнихъ друзей, онъ щедро одарилъ всю прислугу и даже старую ворчунью-кухарку. Какъ за роднымъ отцомъ ухаживалъ онъ за старымъ прикащикомъ, образовавшимъ его. Что же касается до мистера Пусса, то его часто ласкала маленькая, бѣлая ручка миссъ Алисы, а любимецъ попугай, видя это, отъ зависти умеръ.

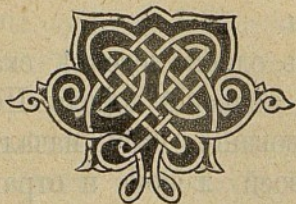
Въ одинъ прекрасный день все Сити узнало, что Фитцъ-Варренъ выдаетъ замужъ свою дочь за Ричарда Виттингтона, и передаетъ ему свой торговый домъ. Въ день свадьбы Пуссъ возлеживалъ на подушкѣ въ каретѣ невесты, а спустя нѣкоторое время вѣрное животное участвовало въ новомъ торжествѣ: колокола не обманули маленькаго Дика: Лондонъ избралъ его въ лордъ-мэры, и Виттингтонъ, благодарный услугамъ кота, пожелалъ обезсмертить память о немъ и попросилъ короля Генриха IV изобразить кота на гербѣ, который дали ему, какъ лордъ-мэру. Пуссу было мѣсто въ торжественной каретѣ, въ которой ѣхалъ лордъ-мэръ въ думу, принимать дѣла, послѣ всѣхъ почестей, котъ умеръ въ глубокой старости.

Виттингтонъ былъ лордъ-мэромъ и въ то время, когда Генрихъ IV вернулся въ столицу послѣ побѣды при Азикурѣ. Городъ поручилъ Виттингтону сдѣлать обѣдъ королю, на которомъ онъ его привѣтствовалъ отъ имени всего народа, наградивъ его титуломъ рыцаря, король ласково сказалъ: „никогда еще у короля не было такого подданнаго“.

— Позвольте вамъ отвѣтить, ваше величество, возразилъ Виттингтонъ, „никогда еще у подданныхъ не было такого короля“.

Сэръ Ричардъ Виттингтонъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ и разумно воспользовался своимъ богатствомъ. Помня, что такое бѣдность, онъ устроилъ училище, гдѣ учреждено было нѣсколько стипендій для несостоятельныхъ учениковъ. Сверхъ того построилъ церковь и больницу, гдѣ еще въ 1780 г. видна была, высѣченная изъ камня, благородная фигура сэра Ричарда Виттингтона съ котомъ у его ногъ.

Е. Д—на.

КРЫСЫ И МЫШИ.

ЧТО ТАКОЕ легенда? Легенда есть сказаніе, въ основаніи котораго лежитъ историческій фактъ, переходя въ народѣ изъ устъ въ уста; она поэтизируется до того, что въ послѣдствіи трудно отыскать истинное событіе. Есть двѣ легенды, въ которыхъ говорится какъ мыши были карой за преступленія.

Въ одной легендѣ сказано, что въ 823 году польскій король Попель II, вступивъ на престолъ, царствованіе свое началъ рядомъ преступленій, вмѣстѣ съ своей женою, и отравилъ своихъ дядей, съ которыми долженъ былъ раздѣлять власть, этого Попелю показалось мало, онъ не велѣлъ погребать несчастныхъ принцевъ и оставилъ ихъ тѣла на произволъ судьбы. Милліоны крысъ и мышей размножились около брошенныхъ тѣлъ, наполнили дворецъ короля, въ которомъ онъ, среди шумныхъ празднествъ, хотѣлъ заставить замолчать свою совѣсть. Нападенія крысъ стали сильно беспокоить короля, наконецъ онѣ до того размножились, что не смотря на пылавшіе костры, которыми король хотѣлъ

оградить себя и свое семейство, крысы и мыши нападали на нихъ, кусали ихъ и мучили. Толпами онѣ бросались въ костры и пролагали дорогу новымъ полчищамъ. Видя, что огонь не помогаетъ, Попель велѣлъ перевезти все свое семейство на озеро Капло, на которомъ былъ островъ, а на немъ высокая башня. Едва онѣ сѣлъ въ лодку, чтобы послѣдовать за семьей, какъ крысы стали бросаться въ воду и подтачивать дно лодки. Попель едва не утонулъ отъ образовавшейся въ лодкѣ течи. Вся надежда короля была на высокія, недосыгаемыя стѣны башни. Но только что король и его семья помѣстились въ башнѣ и приняли всѣ мѣры противъ нападенія враговъ, какъ крысы стали взбираться по стѣнамъ, добрались до верха башни, тучей напали на Попеля и его дѣтей и съѣли ихъ живыми.

Легенда о майнцкомъ епископѣ имѣетъ сходство съ легендой о Попелѣ.

На Рейнѣ, недалеко отъ городка Бингена, видны развалины башни, извѣстной подъ названіемъ башни мышей (Mäusethurm). Замокъ этотъ стоитъ на такомъ крошечномъ островѣ, что съ противоположнаго берега его и незамѣтишь, точно одна башня выходитъ изъ воды. Стѣны этой башни какъ будто источены зубами, а кругомъ ея волны Рейна, сдерживаемыя скалами, такъ бурно кипятъ и пѣнятся, что плаваніе вблизи небезопасно. Мѣстные жители рассказываютъ, какъ въ IX вѣкѣ съѣденъ былъ мышами епископъ майнцскій Гаттонъ, который былъ такъ скупъ, что никогда никому не протянулъ руку помощи.

Вотъ какъ передалъ намъ эту легенду въ близкомъ, поэтическомъ переводѣ Василій Андреевичъ Жуковскій:

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто, и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ,
Быль остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный, и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ;
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло;
Бѣдныхъ, изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышнво, скликаеть епископъ Гаттонъ.

„Дожили мы до неожиданнаго чуда;
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ“.
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости;
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ;
Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Быль имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя, епископъ, на пепелъ пожарный,
Думаетъ: „будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.“

Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты и видитъ, что сѣѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ, что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
„Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ сѣденъ весь хлѣбъ до зерна.“

Вотъ и другое въ ухахъ загремѣло:
„Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ“.

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный,
Въ страхѣ, епископъ дорогою темной
Къ берегу выдти изъ замка спѣшить:
„Въ Рейнской башнѣ спасусь!“ (говорить).

Башня изъ реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится,
Къ башнѣ причаливъ, дверь заперъ и мчитъ
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казались слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунныя, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, замуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стонаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ: кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давить и мучитъ;
Мечется кошка; не весело ей:
Чуетъ она приближеніе мышей.

Паль на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ, въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему, въ разстояніи близкомъ,
Слышно, какъ лѣзутъ, съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбежныя звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни онѣ наострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздёрнутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

Съ тѣхъ поръ на башнѣ этой лежитъ, какъ говорятъ мѣстные жители, проклятіе неба. Она всѣмъ внушаетъ ужасъ, и все болѣе и болѣе разрушается. Прохожіе часто видятъ надъ нею странные, красноватые пары и дымъ точно отъ кузницы, и говорятъ, что это душа Гаттона ищетъ покая себѣ.

Въ народѣ рассказываютъ еще, что въ 997 году Вильдерольдъ или Вильдерольфъ, епископъ страсбургскій, погибъ точно такимъ же образомъ.

Въ XV вѣкѣ, епископъ оттенскій отлучилъ отъ церкви нашу домашнюю крысу, но проклятіе не произвело на нее никакого дѣйствія, она продолжаетъ размножаться съ удивительною быстротою, много вредить и все болѣе и болѣе распространяется по земному шару.

Всю мышиную породу можно раздѣлить на двѣ главные группы: на крысъ и мышей. По образу жизни, эти двѣ группы, сходныя по наружности, рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Въ Европѣ находится два рода крысъ: черная или обыкновенная крыса и пасюкъ. Первая—цвѣта шерсти темно-бураго, къ старости достигаетъ, съ хвостомъ, 13-ти дюймовъ. Полагаютъ, она явилась въ Европу изъ Персіи, а въ настоящее время распространилась по всему земному шару, благодаря европейскимъ кораблямъ, которые завозили ее въ ново-открытыя земли.

Пасюкъ гораздо больше черной крысы. Верхняя часть его тѣла буровато-сѣрая, а нижняя—свѣтло-сѣрая. Иногда встрѣчаются и бѣлыя крысы и мыши съ красными глазами, это особый видъ. Нравы и привычки обѣихъ породъ чрезвычайно схожи. Разница только въ томъ, что пасюкъ любитъ нижніе этажи, а черная крыса—верхніе. Обѣ забираются всюду, гдѣ только могутъ добыть готовую пищу. Отъ нихъ нѣтъ спасенія. Онѣ уничтожаютъ все, начиная съ

кухни и кончая древесной корой. Были примѣры, что онѣ заѣдали домашнихъ животныхъ и даже живыхъ дѣтей. Наполеону, въ 1816 году, пришлось разъ остаться безъ завтрака, благодаря тому, что крысы ночью уничтожили на кухнѣ всю провизію.

Больше всѣхъ страдаютъ отъ крысъ моряки. Едва начинаютъ нагружать корабль, какъ крысы тотчасъ же населяютъ его и отправляются въ длинныя морскія путешествія, дѣлая всему экипажу страшный вредъ. Пробовали разные средства отъ нихъ избавиться—ничто не помогаетъ—онѣ очень живучи.

Крысы отличные гимнасты: проворно бѣгаютъ, взбираются по отвѣснымъ стѣнамъ, прыгаютъ, плаваютъ, ныряютъ въ водѣ и даже могутъ рыть землю своими лапками. У нихъ сильно развиты слухъ и обоняніе; онѣ постоянно на сторожѣ, чтобы не попасться и такъ догадливы, что человѣку приходится употреблять множество хитрости и ловкости, чтобы ихъ уничтожить.

Размножаются крысы съ удивительной быстротой; онѣ по нѣскольку разъ въ годъ приносятъ дѣтенышей.

Для уничтоженія крысъ употребляютъ различные яды,—это опасно. Лучшимъ средствомъ считается смѣсь изъ солода и негашеной извести, она возбуждаетъ сильную жажду, а вода стремится соединиться съ известью химически, причемъ развивается такая высокая температура въ желудкѣ крысъ, что убиваетъ ихъ почти мгновенно.

Крысы живучи, но подвержены особаго рода болѣзни, нѣсколько крысъ срастаются хвостами въ одинъ узелъ. Такая группа въ Германіи называется крысинымъ королемъ. Число сросшихся крысъ бываетъ различно. Въ Альтенбургѣ хранится крысиный король изъ 27 штукъ. Въ Дельштедтѣ, въ 1821 году, нашли разомъ двухъ крысиныхъ королей, а около Лейпцига ихъ находили много разъ. Эти несчастныя животныя едва могутъ двигаться и другія крысы, изъ состраданія, приносятъ имъ пищу.

Мышей можно раздѣлить на четыре вида: домашняя, лѣсная, полевая и мышь-малютка. Мыши гораздо красивѣе и меньше крысъ. Всѣ виды мышей, несмотря на различныя названія, привязаны къ жилищу человѣка, особенно зимою; онѣ очень схожи между собою по нравамъ и распространены по всему земному шару. Права мыши веселаго, живаго, чрезвычайно ловко и легко бѣгають и лазають. Брэмъ говоритъ, что если пустить мышь по натянутой тонкой бичевкѣ, то, при потерѣ равновѣсія, она быстро и ловко обхватываетъ ее хвостомъ. Вообще это чрезвычайно граціозный звѣрекъ, особенно когда мышь садится на заднія лапки и умывается. Органы чувствъ развиты у нихъ прекрасно; ночью онѣ видятъ лучше, чѣмъ днемъ. Посаженные въ клѣтку, скоро привыкають къ человѣку, очень любятъ музыку и говорятъ, выходятъ изъ своихъ норокъ, чтобы послушать ее. Вудъ увѣряетъ, что онѣ выучиваются даже пѣть и что у него были мыши, которыя подражали пѣнію канарейки. Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что китайцы держатъ мышей въ клѣткахъ, вмѣсто канареекъ, и что пѣніе ихъ столько же пріятно, какъ и пѣніе птицъ.

Но всѣ эти хорошія качества мыши блѣднѣють передъ тѣмъ вредомъ, который онѣ дѣлають. Мышь большая лакомка, охотница до всякихъ сластей, уносить въ норку маленькій запасецъ и любитъ даже спиртуозныя напитки. Брэмъ говоритъ, что однажды мышь забралась на столъ, гдѣ стояли остатки завтрака; подбирая крошки, она добѣжала до рюмки съ кюммелемъ и стала жадно пить его. Вдругъ что-то испугало ее; она соскочила со стола и спряталась подъ шкафъ, но, когда вино стало дѣйствовать, то снова показалась и начала дѣлать уморительныя штуки, которыя продолжались до тѣхъ поръ, пока не явилась кошка. Кошка схватила опьянѣвшую мышку и утащила.

Мыши размножаются тоже очень быстро и приносятъ дѣтенышей по нѣскольку разъ въ годъ. Мать относится къ нимъ чрезвычайно нѣжно, не оставляетъ ихъ даже въ ми-

нугу опасности, и часто гибнетъ вмѣстѣ съ ними. Гнѣздо свое она устраиваетъ съ мягкой подстилкой изъ соломы, сѣна, бумаги или перьевъ, иногда даже въ тыквѣ, въ карманахъ рѣдко носимаго платья, въ пустой бутылкѣ и даже въ мышеловкахъ. Мышата быстро растутъ. На 13-й день они открываютъ глаза и черезъ два или три дня уже сами отыскиваютъ себѣ пищу.

Самый красивый членъ этого семейства — мышъ-малютка. Вся длина ея не болѣе 5 дюймовъ, вмѣстѣ съ хвостомъ. Она двухцвѣтная—спинка красно-бурая, брюшко и ноги бѣлыя. Это животное распространилось изъ Сибири по всей Европѣ до самой Франціи. Лѣтомъ она держится въ поляхъ, а зимою—въ амбарахъ или подъ скирдами и питается хлѣбными зернами. Она такъ мала и легка, что можетъ взбираться по самымъ тонкимъ стебелямъ растеній такъ же скоро, какъ и по деревьямъ. Плаваетъ и ныряетъ она отлично. Малютка искусно устраиваетъ гнѣздо величиною съ кулакъ, на листьяхъ осоки или вѣшаетъ на вѣткахъ кустарниковъ. Гнѣзда эти походятъ на гусиные яйца. Устраиваетъ ихъ она такимъ образомъ: беретъ въ ротъ нѣсколько листьевъ осоки и своими острыми зубами дѣлитъ ихъ на 8 или 10 полосокъ; потомъ искусно переплетаетъ между собою. Внутренность гнѣзда она выстилаетъ сережками и метелками цвѣтовъ и растительнымъ пухомъ чрезвычайно ровно и мягко. Дѣтеныши бываютъ у малютки два или три раза въ годъ, по два и по три заразъ. Мышата остаются въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не станутъ глядѣть, потомъ пускаются сами отыскивать себѣ пищу, въ чемъ руководитъ ихъ мать. Въ неволѣ онѣ быстро приручаются, но къ старости снова дѣлаются пугливы.

Изъ всего этого видно, что врядъ ли мыши могли быть виною трагической смерти Попеля и епископа Гаттона. Названіе же *Mäuseturm* (мышьяная башня), по всему вѣроятію, происходитъ отъ слова *mauth*, пошлина, которую въ феодальныя времена собирала стража подобныхъ башенъ съ проходящихъ судовъ въ пользу своихъ повелителей. Точно такія же двѣ башни существуютъ около Страсбурга и носятъ такое же названіе.

Софья Ъ...

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ министерствомъ народнаго про-
свѣщенія для библіотекъ начальныхъ училищъ и женскихъ гим-
назій и прогимназій и ученымъ, при святѣйшемъ синодѣ, комитетомъ
для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспи-
таницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1883 году, журналъ «Игрушечка» будетъ издаваться по прежней про-
граммѣ: стихотворенія, повѣсти, рассказы, біографіи знаменитыхъ людей, статьи
по исторіи, естественнымъ наукамъ и технологіи. Статьи каждаго № будутъ по
возможности пополнять и пояснять другъ друга. Нумера будутъ выходить по вос-
кресеньямъ отъ 1^{1/2} до 2^{1/2} печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ
два большихъ тома по 25 номеровъ въ каждомъ, что въ общемъ соста-
витъ болѣе 100 печатныхъ листовъ съ 150 рисунками. Въ журналѣ примутъ
участіе: С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ, (проф.) Е. И. Бороздина, Е. М. Бемъ,
Воскресенская, И. Ѳ. Горбуновъ, Григорова, Е. Н. Геслингъ, С. Д. Дрожжинъ,
Е. Ф. Добрынина, Желиховская, гр. П. Капнистъ, гр. Ина Капнистъ, Н. Н. Ка-
разинъ, Н. Н. Кувшинниковъ, Н. Капустина, Н. С. Лѣсковъ, С. И. Лаврентьева,
Н. Е. Львова, В. Л. Львовъ, С. И. Миропольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, А.
Н. Плещеевъ, Н. Попова, Н. Северинъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. Н. Са-
довниковъ, А. Г. Сахарова, гр. Е. Сальясъ, И. В. Сорокинъ, проф., гр. Тол-
стая, А. Н. Толивірова. Е. Ф. Юнге и др.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ съ доставкою и пересыл. 6 р. } На полгода съ дост. и пер. 3 р. 50 к.
» » безъ доставки и перес. 5 » } » » безъ дост. и пер. 3 » — »

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи
журнала «Игрушечка», Малая Подъяческая, д. № 4, кв. № 16, а для город-
скихъ въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго, Уголь Троицкаго и Граф-
скаго переулка.

Полные экземпляры за 1882 годъ продаются въ редакціи по 6 руб. съ дост.
и пер.—за 1880 и 1881 г. всѣ экземпляры разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Выходить въ 1883-мъ году подъ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ

XXII ГОДЪ. Открыта подписка на 1883 годъ. ГОДЪ XXII.

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Съ роскошными преміями, приложениями и раскрашенными картинами.

Выходить въ 1883 году ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНИЯХЪ, всего въ годъ:

24

нумера модныхъ, выходящихъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и заключающихъ рисунки самыхъ новыхъ парижскихъ модъ дамскихъ и дѣтскихъ, рукодѣлій, работъ и проч., съ описаніями.

24

нумера литературныхъ, выходящихъ 8 и 22 числа каждаго мѣсяца и составляющихъ отдѣльный литературно-художественный журналъ съ прекрасными гравюрами для семейнаго чтенія.

24

нумера отдѣльныхъ приложений, выходящихъ при литературныхъ нумерахъ и заключающихъ роскошнѣйшіе рисунки послѣднихъ парижскихъ модъ.

Кромѣ разсылаемыхъ въ теченіи года бесплатныхъ приложений, какъ-то: раскрашенныхъ рисунковъ нанвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ работъ, рисунковъ въ русскомъ стилѣ, патроновъ, выкроекъ, ноть и пр., годовые подписчики всѣхъ трехъ изданій получаютъ тотчасъ при подпискѣ прекрасную

ПРЕМІЮ, роскошную олеографическую картину:

„ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ НОВОБРАЧНЫХЪ“.

(Улучшенное изданіе извѣстной картины „Наконецъ одни!“)

Гг. иногороднымъ подписчикамъ эта премія высылается съ № 1 «Моднаго Магазина».

Цѣна годовому изданію „Моднаго Магазина“ на 1883 годъ:

I изданію съ двѣнадцатью раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложениями и преміями: безъ доставки въ Спб. 5 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 7 р.

II изданію съ 24 раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложениями и преміями: безъ доставки въ Спб. 6 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 8 р.

III изданію съ 36 раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложениями и преміями: безъ доставки въ Спб. 8 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 10 р.

Въ МОСКВѢ безъ доставки: I-му изданію 5 р. 50 к., II-му изданію 6 р. 50 к., III-му изданію 8 р. 50 к.

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

Пробные нумера: № 1 (модный) № 2 (литературный) выйдутъ въ декабрѣ 1882 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи „МОДНАГО МАГАЗИНА“, по Николаевской ул., д. № 48.

Издатель „Моднаго Магазина“ и „Иллюстрированнаго Мира“ **В. П. Турба.**

Богатый выборъ рукодѣлій и работъ.

Роскошныя преміи, приложения, раскрашенныя картины и проч.

Модный и литературно-художественный журналъ для чтенія.

Открыта подписка на 1883 годъ
на иллюстрированный дѣтскій журналъ

2-й годъ
изданія.

„РОДНИКЪ“.

2-й годъ
изданія.

Журналъ „РОДНИКЪ“ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и полиטיפажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ „РОДНИКЪ“, между прочимъ, участвуютъ слѣдующія лица: В. П. Авенариусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Вемъ, П. В. Быковъ, Е. Н. Водовозова, В. И. Водовозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, А. Л. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Е. П. Свѣшниковъ, Н. И. Позняковъ, Л. Х. Симонова, Н. И. Северинъ, М. В. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и мн. др.

Въ журналъ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ „РОДНИКУ“: педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

на годъ съ приложеніемъ съ дост. и пер.	6 р.	на годъ безъ приложенія съ дост. и пер.	5 р.	на $\frac{1}{2}$ года безъ приложенія	3 р.	за-границу на годъ съ приложеніемъ	8 р.
---	-------------	---	-------------	---	-------------	--	-------------

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“, Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева.**

При конторѣ дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“ имѣется „**книжная торговля исключительно для иногородныхъ**“, которая исполняетъ скоро и аккуратно всякія порученія по покупкѣ и пересылкѣ книгъ, нотъ и учебныхъ принадлежностей. Требованія слѣдуетъ адресовать такъ: *Петербургъ, Спасская ул., д. № 1, въ контору дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“.*

V годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

Годъ V.

«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ»

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ роскошными преміями и разными бесплатными приложеніями.
Выходитъ въ 1883 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ,
въ форматѣ большихъ иллюстрацій.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.
Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано пред-
стоящее

Коронованіе ИХЪ ИМПЕРАТОР- СКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Москвѣ.

Въ теченіи года всѣ подписчики журнала «Иллюстрированный Міръ»
получаютъ бесплатно:

ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ, „НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ ГЛАВНУЮ БОЛЬШУЮ ПРЕМИЮ
прекрасную ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ картину:

Іоаннъ Грозный въ опочивальнѣ Васи- лисы Мелентьевны.

 На исполненіе главной преміи ассигновано 20,000 рублей.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Иллюстрированнаго Мира»
съ правомъ полученія всѣхъ премій и приложеній:

Безъ доставки въ С.-Петер-
бургъ 6 р.

Съ доставкою въ С.-Петер-
бургъ 7 р.

Безъ доставки въ Москвѣ
чр. контору Л. Метцля . 6 р. 50 к.

Съ пер. во всѣ гор. Россіи. 8 р.
За-границу 10 р.

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и
управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной кон-
торѣ редакціи журнала „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“, по Нико-
лаевской ул., д. № 48. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при Центральной
конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, д. Солодовникова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“

въ 1883 году.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

Журналъ рекомендованъ ученымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1883 году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. Законодательство по народному образованію. II. Педагогика и дидактика. III. Исторія народного образованія. IV. Критика и библіографія. V. Новости и смѣсь. Этотъ отдѣлъ вполне соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболее интересныхъ явленій въ области народного образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народного образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«разныхъ извѣстій»**, любопытные для народного учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и проч. VI. Приложенія къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за-границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Въ текущемъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: *г. Акатовъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, В. П. Воленсъ, Т. В. Докучаевъ, В. Э. Иверсенъ, д-ръ Ивинъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, П. Мочульскій, Я. Т. Михайловскій, П. Новицкій, С. Нурминскій, О. О. Резенеръ, И. С. Ремезовъ, Н. Смирновъ, И. О. Фесенко* и друг.

Для будущаго года, въ распоряженіи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1883 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ главную контору «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», С.-Петербургъ, Поварской переулокъ, д. № 5.

Желаая сдѣлать доступнымъ приобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: **вмѣсто 9 р. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1883 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. сер.

Редакторъ-издатель А. Пятковский.